

Кыш, пернатые!

Автор:

Александр Гриневский

Кыш, пернатые!

Александр Гриневский

У повстречавших невнятного бомжеватого мужичка, не по сезону обутого в сандалиии на босу ногу, вырастают крылья. Счастливики, получившие возможность летать, как птицы – они же жертвы, в одночасье ставшие безрукими, – мужчины среднего возраста.

Что в столице, что в глубинке их жизнь – та еще авантюра и морока. На крылатых охотятся ловцы, их преследуют компетентные органы, их пытаются втянуть в политические акции и запрячь в полукриминальный бизнес, у родни сдают нервы. Единственный чаемый выход – перелететь границу и обрести свободу в небе над бескрайними степями Монголии...

Роман номинирован на премии «Большая книга» и НОС.

Александр Гриневский

Кыш, пернатые!

© Гриневский А., текст, 2022

© Ренева М., иллюстрации, 2022

© Рябухина О., фотографии, 2021

* * *

События, случившиеся в наше время, в Москве, в Ростокино, постепенно захватывают новые пространства нашей страны и выходят за ее пределы в бескрайние степи Монголии.

Основной сюжетной идеей становится обострившееся неприятие всего чуждого, непонятного, необычного. И как следствие, очевидная назревшая неизбежность разделения человечества на прежнее и новое. Раздел проходит по человеку, живущему понятной обычной жизнью. Отбирается привычное существование – взамен же дается красивая, непрактичная абстракция, реализуемая в образе полёта. Человек становится крылатым.

Автор поднимает вопрос сосуществования: будет ли найден компромисс или две ветви человеческого развития разойдутся?

На крылатых охотятся «ловцы», их преследуют компетентные органы, их пытаются втянуть в политические акции и запрячь в полукриминальный бизнес. Но приспособить новую возможность человека, летать как птица, никаким структурам не удастся, потому что приспособить новое к старому невозможно. Это уже новый виток, требующий иного подхода.

Мистическое начало здесь – не цель, а средство, помогающее раскрыть потаенные глубины человеческой души. Сочетание этого с созданием глубоко оправданных психологических образов героев и полноценного художественного мира произведения делает роман Александра Гриневского «Кыш, пернатые!» несомненно достойным участия в конкурсе литературной премии «Большая книга».

С. А. Надеев

Главный редактор журнала «Дружба народов»

«На берегу крохотного озера, свернувшись калачиком, накрывшись крылом, как одеялом, спал человек. Был он голоден, гол и грязен. И был крылат...»

Что делает человек, когда лишается рук, и на их месте вырастают крылья? Мне кажется, что герои романа по-новому восприняли свою жизнь, по-другому взглянули на тех, кто с ними рядом, осознали, что нужны только самим себе и своим близким.

«Нет в этой жизни никакого смысла, кроме её проживания» – есть в романе «Кыш, пернатые!» другой смысл, кроме фантастичности сюжета и затеянного приключения.

Читая, ловила себя на мысли, что уже узнаю слог автора: он резковат порой, иногда обрывист, а бывает и необычно нежен и певуч, когда дело касается описаний природы и чувств между мужчиной и женщиной. Как всегда, это и происходит в произведениях А. Гриневского, напряжение нарастает к финалу, и тогда наступает невероятное облегчение, и долго ещё остаётся с читателем ощущение сопереживания и обретённого покоя.

Апельганс Екатерина

Филолог, библиотекарь, автор интеллектуального контента

Мне понравилась тема и её реализация. Это очень талантливо. Собственно, на этом можно было бы и закончить, потому что всё остальное – незначительная вкусовщина.

Два раза я думал, что угадаю, чем сейчас всё закончится, но при этом самого очевидного и единственно возможного конца не увидел. Зато почувствовал общую атмосферу какого-то апокалипсиса или даже уже пост – при том, что никакого апокалипсиса нет и в помине. Ну и фирменный переход в финале из одного мира в другой, опять отлично написанный.

Виталий Полосухин

Российский писатель-прозаик, сценарист

Нас бьют, мы летаем

От боли всё выше...

Граффити на бетонном заборе в Ростокино

Глава первая

Деревья – они же как люди: болеют, умирают... Правда, живут дольше. Но ведь не двигаются. На месте стоят. Это хорошо – стоять? Так надо? Жить дольше будешь?

Если мимо магазина, автостоянки, библиотеки, потом между домов невнятных, то – к гаражам, и узкая тропа между ними, загаженная, мусором заваленная, и в глухой забор упрёшься, которым Собянин все железки огородил, а там дыра, свободолюбивым народом прорублена, топорщит рваные края. Рельсы веером, и гравийная насыпь под ногами. Перемахнешь, оглядываясь, чтобы поездом не смело, – и ты в Лосинке.

Не надо заходить далеко. Здесь же, на насыпи сесть, она ве?рхом идет, железка внизу, под ногами. Пенёк выбрать. Грязные они по осени, в грибах каких-то, в плесени – обтереть и усесться. Банки с пивом – в траву у ног. А теперь смотреть.

Сидеть на насыпи, глотать пиво из банки, ощущая металлический привкус, захлёбываться пузырьками и смотреть на поезда, как проносятся мимо.

Люди за окнами – стремятся куда-то, живут... Им кажется, что живут...

Вон водочные бутылки и банки из-под пива пустые разбросаны вдоль насыпи – эти уже выпиты.

А людям в поезде кажется, что они полные – жизнью наполнены, и это что-то значит...

И этих под насыпь. Со временем...

Сижу, смотрю, о жизни думаю. Философствую.

Ну что я за человек такой? То, что неврастеник, – это ясно. Врать себе не буду. Всё у меня от настроения зависит. Например, сегодня – плохо! И ведь не поспоришь.

За полтинник уже... И что? Работы нормальной нет. Денег нет. Капает что-то, конечно. Но мало. Больше хочется. По заграницам поездить, мир повидать, а не раз в год, зажимаясь. Осталось-то совсем ничего активной жизни. Машине – десять лет, менять пора. Где деньги брать? Слава богу, со здоровьем пока – тьфу, тьфу, тьфу. Но ведь это пока... Старость подкатывает. Импотенция засветила. С женой уже не получается, да и не хочется. А главное, раньше бежал куда-то, стремился, чего-то добивался – интересно было. Сейчас как будто свет приглушили: сумерки – спать пора. Ничего не хочется, а если хочется, то как-то вяло.

С другой стороны, что ты ноешь? Семья есть, квартира есть. Деньги какие-то каплют. Сын хорошо зарабатывает. Машина есть. Работа? А что? Извоз – это тоже работа, и хозяин сам себе, не надо от звонка до звонка. Из Греции месяц как вернулся. Да ты счастливый человек! Знаешь, у скольких этого нет? Живи и радуйся!

Со спины подошел, я не заметил.

Вздрагнул. Испугался.

Разозлился сразу.

Бомжатник у нас в Лосинке. Они с весны до осени лёжки себе устраивают: коробки картонные, одеяла рваные, целлофан, тряпьё разное, бутылки, банки – помойка, одним словом. Копшатся среди этого мусора, живут, костры жгут. С бабами, которых от мужиков не отличишь. У нас на «Яузе» даже турникетов на платформе нет, приехал – шаг в сторону – лес.

– Что? – говорит. – Хочешь так?

Я на ворону смотрел, как она по ветру боком с берёзы снялась и её по диагонали – ветром вниз, к гаражам вынесло, замахала, выправилась и пошла к домам – рваный пунктир на синем. Свободная, ветром гонимая. А небо – осеннее, бездонное, жестокое и ласковое одновременно, облачком белым, размытым, по краю украшенное.

Глянул искоса – марку держать надо, но злюсь на него, на себя, что испугался от неожиданности – вон адреналин ещё в икрах пощипывает. Стоит за спиной бомжара грязный, с рваным пакетом целлофановым цветным, битком набитым. Без возраста, щетиной заросший. Лицо одутловатое, желтизной отдаёт. Пальтишко на нём старое с меховым воротником, нараспашку. На ногах сандалии стоптанные, нелепые – осень же.

– Да пошёл ты! Двигай отсюда. Не звали.

А он уже усесться успел, чуть в стороне и ниже.

– Давай, я сказал!

– Как скажешь. – Подниматься начал, медленно, словно ноги в коленях не гнутся, – так собака, которую турнули, все равно надеется: вдруг хозяин передумает, позовёт. Подниматься-то поднимается, а сам на банку с пивом, что в пожухлой траве возле моих ног валяется, глазом косит – я-то вижу.

Он вроде уже и встал... но тут как-то нехорошо мне сделалось: чего я на него взъелся?

– Садись уж, – говорю. – Ладно...

Но вот уж хрен! Банку ты полную не получишь.

– На! – Протянул недопитую, которую в руке держал. Нечего на целую зариться.

Взял. Руки грязные, трясутся.

– Сколько лет-то тебе, отец?

– Да твой ровесник, поди...

Пьёт, захлёбывается, шея дряблая, в волосах седых, под кадыком ходуном ходит.

А ведь, похоже... и я мог бы так же... сложись жизнь по-другому.

Дунуло ветром, согнуло берёзы, рвёт кроны, сорвало ворон, заметались стаей, перепутались – мечутся, орут – с десятков вырезает на синем круги. Тревожно стало, а тут ещё электричка пронеслась, загудела, словно воздух, пространство её сдерживает, не даёт прорваться.

– Хочешь, как они?

– Чего?

– Как эти... – Голову вверх запрокинул, на ворон или на небо смотрит, и пена желтая, уже засыхающая, в уголках губ. Противно.

– Ты пей! Что за хрень городишь?

– Тяжко?

– А кому легко?

Чего прицепился? На хрен ты мне нужен? Дали выпить – пей и молчи в тряпочку.

Что же за день такой невезучий? С самого утра. Кофе хотел. Насыпал в чашечку, потянулся за чайником, задел ложечку, опрокинул. Кофе – на пол, чашечка – об пол, ручка – в сторону. Любимая чашечка была, вкусная!.. И телефон сразу – радостно так, задорно. Смолк. А на экране сообщение – отменился выезд. Остался сегодня без заработка. И чёрт бы с ним, не впервой отменяют. Но ведь уже настроился... А чем тогда заняться? День пустой.

Тут и жена встала. У неё выходной, значит целый день дома. И началось: это подай, то принеси, пол подмети, пыль протри, ей уже тяжело всё самой делать, она не только за домом следит, но ещё и работает, а помощи никакой, окна вот с

зимы не мыты... – и поехало без конца и без края.

Разругались, естественно.

Да пошло всё! – думаю. Пойду-ка за пивом схожу, посижу спокойно в одиночестве, на поезда посмотрю.

Вышел из подъезда, решил на машину глянуть. Подхожу – твою же мать! Переднее правое – спущено. На ободке кормилица стоит.

Тут я и понял – не мой день. Ладно, думаю. Пиво, поезда – и в койку, под одеяло. Заспать. Пропустить, не высовываться. С колесом завтра буду разбираться. Не надо сегодня ничего делать.

Пришёл к железке, на насыпь сел. Глотнул пива, смотрю на поезда. Я люблю на них смотреть. Куда-то едут... Узкие, длинные. А тут этот... Нет, точно не мой день.

Этот сидит, наблюдает, как я закуриваю.

– На, – говорю, и сигарету из пачки сам выковырял.

– Спасибо, не курю. И тебе не советую.

Вот же праведник нашелся.

– Хотя, – продолжает, – бросить всё равно когда-то придётся.

Философ, блин! Всё когда-то бросить придётся. Тоже мне, открыл Америку.

Электричка вдали нарисовалась. Затрубила. Светло-серая. Эта – из Мытищ, без остановок шпарит. Смотрю, как надвигается.

Вдруг говорит:

– А хотел бы поездом стать?

Я сначала не понял, подумал, что ослышался. Электричка мимо неслась. Грохотала по рельсам.

- Что, - переспрашиваю, - сказал?

- В поезд хочешь превратиться?

Меня аж оторопь взяла:

- Чего?!

- Представь, - говорит, - по рельсам, никуда не сворачивая, всё определено, по расписанию, леса мелькают, поля, люди новые...

Смешно стало. Даже интересно. Вот чудик! Хотя... поживи его жизнью, побомжуй, ещё не так крыша поедет.

- Или в дерево? - продолжает. - Будешь стоять, ветвями качать, листвой шелестеть, птички там разные перепархивать будут. Не жизнь, а лафа! Никуда не спешить - стой себе и стой, наблюдай за миром.

И так он это говорит... Затягивает, как в омут, в эту ахиною словесную.

Подыграть захотелось. Один чёрт, посидеть в одиночестве не вышло. Посмотрим, что он дальше плести станет.

- А ты что? Можешь?

- Не то чтобы могу... но вот если постараться...

Уклончиво отвечает, куда-то поверх железки, на дома, на крыши, что вдалеке, за забором, в небо упираются, глядит.

Я решил с другого боку зайти.

– А что, – спрашиваю, – в любое можно превратиться? И в одушевлённое, и в неодушевлённое?

– А ты знаешь, что такое душа? Ты её видел?

Вздыхнул. Руку в волосы запустил, башку чешет. И мне вдруг показалось, что ему скучно стало со мной разговаривать. Отстранился как-то...

Помолчали.

Я банку новую вскрыл, говорю:

– Подставляй свою, плесну чуток.

Засуетился сразу, протягивает.

– Не... – я решил не сдаваться. – В поезд, конечно, интересно... Да и в дерево тоже... Но уж если превращаться, то во что-то другое.

– Во что же?

– Ну, не знаю... В птицу, например. Всё-таки полёт, и всё такое... Вот как это – летать как птица?

– Что здесь непонятного? Всё просто.

– А чего же ты сам тогда по земле ходишь? Раз угла не имеешь, где приткнуться, летал бы...

– Мне не надо. Я не для этого приспособлен.

– Ха! А для чего?

– Я по другому делу.

В тупик разговор зашел. Да что с ним, синюшным, разговаривать. Домой пора. Подмерзать начал. А этому в сандалиях хоть бы хны. Бормочет что-то себе под нос – не разобрать.

– Ладно, – говорю, – бывай! Не болей и не кашляй.

Он словно не слышит. Глаза на меня поднял и опять свою пургу гонит, про поезд.

– Представь, – тихо говорит, еле разбираю, – что ты электровоз. Несёшься в ночи сквозь холод, сквозь темноту, и вот уже солнце встает, рассвет силу набирает, а ты сквозь туман утренний прёшь. Грудь – железная, мощная, давишь на воздух, на пространство, что впереди тебя, пихаешь, раздвигаешь, разбрасываешь по бокам. Не остановить. У тебя тормозной путь – ого-го какой. Не вставай на пути – сметёшь и не заметишь. Станции, полустанки мимо проносятся – сонные, утренние, солнцем освещенные. А ты дальше. Несёшься и несёшься вперёд... Хочешь?

Смотрит на меня снизу вверх, будто надо ему очень, чтобы я согласился.

Совсем шизанутый! А поначалу нормальным казался.

Решил не связываться – пускай себе бормочет. Повернулся и пошёл.

Услышал только, как он в спину выкрикнул: «Ну, в птицу, так в птицу!»

Иду по насыпи, по тропинке, чувствую, засиделся, поясницу ломит. Дай, думаю, пройду, разомнусь немного.

У нас, если по брёвнышкам Будайку перейти – а она вот, в пятидесяти метрах от железки журчит, мутную водичку перекачивает, – можно на большую поляну выйти. Там собачники обычно тусуются. Но это утром и вечером, сейчас никого не должно быть.

Нет – понимаю – что-то не так... Уже не только поясница, уже и спина болит, и шею как-то вбок тянет. Не так что-то со мной. Нерв какой защемило, что ли?

И вдруг удар по всему телу. Тупой. Изнутри. Как будто по позвоночнику снизу сильно ударили. Но не больно.

На миг в глазах потемнело.

И тут же рукава у ветровки – по шву, с треском.

Вывалилось что-то из рваных рукавов, и до земли...

Мать моя женщина! Перья! Крылья!

Свисают по бокам, а рук нет.

Стою, не понимаю ничего.

Нет рук!

Пошевелиться боюсь. Голову повернуть. Замер. Страшно. Глазами из стороны в сторону. Деревья – берёзы, ёлки – стоят. Ветки сухие, трава под ногами. Ветер подул. Заиграли листья, зашелестели.

Ничего не меняется. Свисают по бокам.

Я глаза закрыл, а в голове пусто до звона. Ни одной мысли, темно в голове, как за закрытыми веками.

Лай собачий послышался. И тут словно сознание включили – не должны меня таким увидеть!

Я – глубже в лес, за деревья. Хотел быстро. Не получается. Не очень-то расходишься, если руки перьями обросли и до земли повисли. А пошевелить ими я почему-то боюсь.

Выглядываю из-за деревьев – прошла какая-то тетка толстая с шавкой на поводке. И всё вдруг нереальным показалось, словно сон смотрю, откуда-то сверху, со стороны, а сам не участвую. Перемешалось всё в этом сне: и вороны,

мечущиеся в синем небе, и электричка, вспарывающая пространство, и тётка с собакой, и кроны деревьев, гуляющие под ветром, и насыпь железнодорожная, и сам я – на пенёчке с банкой пива, и бомж, сидящий на земле чуть в стороне...

Стоп. Это же он, сука. Из-за него. Убью гада!

Не до логики было. Скорее обратно к насыпи, вдруг он ещё там? Остальное потом. Разберёмся.

Оглядываясь, крадучись, через Будайку, по брёвнышкам.

Вот уже насыпь...

Ну, если эта блядина там – ногами забью!

Заспешил.

Пусто!

Пенёк, на котором сидел. Банка из-под пива, смятая, в траве.

Пусто!

Тропинка по верху насыпи – к станции.

Туда ушёл! Некуда больше. Не в лес же... Сколько времени прошло? Да минут десять. Догоню!

Засеменил по тропинке. Электричка со спины накатила, с гулом, с грохотом. Плевать! Пусть смотрят. Не останавливаться же? Скорее надо!

Скользнула тропинка с насыпи, побежала вдоль путей. Станцию вдали видно.

И никого... Пусто! Или опоздал, или тот действительно в лес ушел. И что теперь делать? На станцию в таком виде не сунешься.

Ушел под деревья. Стою. Солнце скрылось. Листва, ветки, стволы перед глазами. Один.

Позвонить! Я же жене могу позвонить.

И так домой захотелось... Там хорошо, там укроюсь, там всё по-прежнему будет...

Не раздумывая – руку в карман, за телефоном.

Вот тут-то и понял, что не всё так просто. То, что было раньше рукой, изогнулось и куда-то за спину пошло... Вместо руки – крыло. Пальцев нет! Как теперь?

Начал потихоньку этими крыльями двигать. Стою. Шевелю. Привыкаю.

Вытянуть вперёд могу, но не как руки, а совсем чуть-чуть. Могу в стороны широко развести. Там, где локти были, они сгибаются, но не вперёд, а назад, и в таком виде, сложенными, их легко за спину завести. Перья иссиня-чёрные, жёсткие.

Стою как дурак, крыльями шевелю так и эдак, понимаю – телефон из кармана куртки мне не достать.

Ничего, успокаиваю себя. В панику не впадать. Сейчас что-нибудь придумаем...

Подошел к поваленному дереву, примерился, зацепил карманом за сук – дёрнул. Крепкий, собака, соскочил, не порвался. Я ещё раз, поглубже. Затрещал. Надорвался. Выпал телефон. Полдела сделано.

Теперь перевернуть.

Это уже легче. Пошерудил ногой, он и перевернулся как надо.

Я на колени опустился, выбрал веточку подходящую, листья пообкусывал, в зубы её. Распластался на земле, крылья в стороны раскинул для удобства и начал этой веточкой по клавишам тыкать.

Лежу, стараюсь, слюной захлебываюсь, шея затекает.

С четвёртого раза получилось, только взмок от напряжения. Хорошо, что телефон старый, кнопочный и громкая связь есть.

Заиграла мелодия, жена подошла.

– Слушай, Маш, – говорю, – тут такое дело... Неприятность со мной приключилась. Ты не могла бы подойти, помочь?

Спокойно говорить стараюсь, даже весело – мол, это так... ничего серьёзного.

Но мою не проведёшь. За тридцать лет совместной жизни я её изучил. Сразу затараторила.

– Что случилось? Какая неприятность? В милицию забрали, что ли? Или подрался с кем? Ну, говори, не молчи! Вечно с тобой что-то случается. Куда идти-то? Деньги брать?

Слово не даёт вставить, заполошная.

– Да не таракти ты! погоди! Знаешь, как через дыру в Лосинку выйти? Помнишь, когда на лыжах ходили?

– Ну помню. Что случилось-то?

– Подожди! Послушай! В дыру в заборе, через пути, потом через Будайку и на поляну. Поняла?

– Да. Что случилось-то? Ты там живой? Избили?

ТЬфу ты! Ну как ей объяснишь?

– Маша! Всё нормально, никто меня не избил. Я не могу сейчас рассказать...

– Ой, не нравится мне это. Темнишь ты. Сейчас, посуду домою и приду. Или бежать надо?

– Не спеши. Всё нормально. Только это... Пальто помнишь у меня такое черное? Сто лет не надевал. Захвати, пожалуйста. И покрывало большое какое-нибудь... которое не жалко.

– О, Господи! Что там с тобой стряслось?

– Всё нормально.

– Сейчас приду!

Уф! – я выдохнул. По крайней мере домой я сегодня попаду.

Запомнил дерево, под которым оставил телефон, потом с женой заберём, и отправился на поляну – ждать. Пока шёл, крылья разминал, привыкал к ним.

Поляна пустая – никого. Тихо. Береза, что посередине, замерла, ветвями обвисла.

А что, думаю: раз крылья есть, можно и взлететь попробовать?

Вышел из-под деревьев. Огляделся. Поднял крылья, махнул со всей дури.

Что произошло – не понял. Если и оторвался от земли, то сантиметров на десять, как подпрыгнул. Что-то не то...

Но ведь оторвался!

А если вот так?

Побежал – и крыльями вниз и от себя, за спину воздух. И вдруг – нет земли под ногами! Болтаются ноги в воздухе, а опоры нет. И воздух под крыльями стал не тугим, а податливым. Легко машется.

Лечу ведь. Коряво, низко, но лечу!

Перестал работать, раскинул крылья, спланировал к земле, пробежался и встал.

Обалдеть! Я летел!

Оглянулся назад – метров двадцать пролетел, это точно.

Всё. Хватит экспериментов. Не дай бог, кто увидит. Да и жена должна вот-вот подойти.

Отошел под деревья. Встал в тени, жду. Разрыв мозга у меня. Крылья – они, что? Теперь всё время будут? Как жить тогда? Даже подумать страшно. Не могу, не хочу в это поверить. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Но я же летел!.. Вот только что. Я ещё могу!

Ладно... об этом дома подумаю. Надо до дома добраться.

Вот только ссать я хочу! Терпежу нет после пива. Крылья эти мудацкие – не расстегнуть штаны.

Ну, где она?

Идёт вон... Торопится.

Дождлся, когда поближе подойдёт, окликнул.

Как она глянула на меня, так и замерла. Сумку клетчатую, барахлом набитую, выронила и руки ко рту прижала. Сейчас заплачет.

А мне не до переживаний – не могу терпеть больше!

– Маша! – говорю. – Всё потом! Штаны мне расстегни скорее, писать хочу – сил нет!

Подошла ближе. На крылья косится с опаской. Копаются, ремень расстёгивает. Еле дождался. Ещё бы немного и всё... Отошел на два шага, отвернулся. Блаженствую.

- А теперь, - прошу, - одень меня.

Вот тут-то она и заревела. Обняла за шею, в грудь лицом уткнулась. Плечи вздрагивают. А я даже обнять её не могу. Не крыльями же?

И так мне стало нас жалко! И себя, и её. Вот напасть-то свалилась.

А она сквозь слёзы причитает:

- Как же это? Откуда они взялись? Ой, Боженьки! Больно тебе?

- Маш, - говорю, - пойдём, а? Я тебе дома всё спокойно расскажу. Не надо, чтобы меня таким видели.

Она отстранилась, слёзы вытирает.

- Да! Да! Пойдём! А может, тебе в травмпункт сразу? Или скорую вызовем?

- Маша! О чем ты? Какой травмпункт? Меня же сразу или в психушку, или в институт какой-нибудь закрытый поместят. Опыты будут ставить. Пойдём домой. Ты пальто принесла? Давай попробуем его на меня надеть, чтобы крыльев этих видно не было?

- Домой! Конечно, домой! Сейчас! - засуетилась. Присела на корточки, молнию у сумки рвет, смотрит на меня жалостливо, снизу вверх.

Пальто не подошло. Торчат крылья наружу.

Закутала меня в покрывало. Слава богу, без узоров, тёмно-зелёное, не так в глаза бросается.

И пошли мы с ней – я впереди, в покрывало обёрнутый, она сзади, с сумкой клетчатой, на плечо повешенной, – ну, чисто парочка бомжей. Смешно, а не до смеха...

Через дырку в заборе, мимо гаражей, на улицу вышли. Люди ходят. Магазин «Пятёрочка». Мы – мимо.

Я глаза не поднимаю, знаю, что пялятся. Иду, смотрю на асфальт под ногами. До дома недалеко. Лишь бы ментов не встретить.

Квартира малогабаритная. Я как в своём коконе зашел, так всю прихожую загородил.

Гляжу, у моей опять губы затряслись – сейчас начнётся. Нельзя дать ей раскиснуть.

– Давай, – говорю, – освобождай меня, режь куртку, так не снимем.

Подействовало. Туфли скинула, за ножницами метнулась.

Пока резала да стягивала с меня одежду, вроде и подуспокоилась. Носом продолжает шмыгать, но уже и перья погладила – с опаской, правда, – интересно ей.

Остался я в одних трусах. Зашел в комнату, сел на стул, крылья свесил. Она – напротив, за стол села.

– Ну, рассказывай!

Я всё и рассказал. И про бомжа этого... И как взлететь пытался.

Слушает, слёзы кулачком вытирает.

А меня вдруг смех разобрал – прямо распирает всего – не могу остановиться.

– Что ты смеёшься, дурак? – разозлилась. – Ты же сам ни поесть, ни в туалет сходить не можешь.

Меня ну прямо корчит. Хочу объяснить, а не могу.

Наконец чуть отпустило.

– Ты только представь, – говорю, – я ведь запросто в поезд мог превратиться!

Глава вторая

Я решил уходить с монгольской группой. Не из-за того, что был ярый приверженец скрытого существования, а потому, что старший группы – Валерий Палыч – выглядел спокойным и, на мой взгляд, разумным и надёжным человеком. И ещё у него хороший проводник – дочь. Это давало надежду на благоприятный исход многокилометрового путешествия. Для меня, правда, оставалось неясным, что мы будем делать в этих пустынных и необозримых степях. Хотя... достаточно того, что не надо будет прятаться и постоянно бояться отлова.

Монголия была выбрана неспроста. В первую очередь, конечно, из-за пустых и необжитых пространств – есть где затеряться. Во-вторых – страна отсталая, со своей специфической религией, живущая скорее прошлым, чем настоящим, не говоря уж о будущем. Возможно, там по-иному смотрят (если смотрят вообще) на проблему перерождения.

Раскол, вылившийся в откровенную бытовую склоку, произошёл на первом и, я подозреваю, последнем слёте. До чего же подходящее слово – «слёт». Правда, большинство участников добиралось всё же пешим ходом. По воздуху – единицы.

Собрались в удалённой части Лосинового острова, за кольцевой дорогой. Слетелось (до сих пор чураюсь этого слова) двадцать восемь человек.

Несмотря на вспыхивающую время от времени истерическую перебранку, этот слёт всё же был очень полезен и впервые позволил выявить важные закономерности.

Нас много. Двадцать восемь человек прибывших – это только Московская область, Дмитров, Волоколамск. Значит, можно предположить, что на территории нашей необъятной нас куда больше. Косвенное подтверждение тому – целенаправленный отлов. Если раньше это было скорее дело случая (повод – примитивный обывательский донос), то за последний год ловцы активизировались, стало известно, что созданы специализированные группы.

Всё говорит за то, что процесс перерождения начался три года назад. Но, вполне возможно, это относится только к Москве и ближайшим областям.

Женщин среди нас нет. И детей нет. Одни мужчины в возрасте от сорока до шестидесяти. Почему так? Вопрос.

Три четверти прибывших на слёт имели проводников. Это говорит о том, что существовать без помощи нормальных людей мы пока не можем. Те, кто пытается адаптироваться и жить самостоятельно, – видели бы вы, во что они превратились. Для них мусорный бак – столовая, а уж как благоухают!

И самое главное: все без исключения познакомились с человеком в сандалиях! Одет он мог быть по-разному, повстречать его можно было где угодно, но сандалии – неизменны.

Вы не подумайте, что это я сам так гладко научился анализировать и излагать. Это Валерий Палыч всё разложил по полочкам и разъяснил. Недаром кандидат технических наук.

Хотя... Я тоже изменился. Спокойнее стал. Фатализм, молчание и одиночество. Что-то во мне сломалось. Уверенность потерял. А откуда ей взяться, если целыми днями дома, да ещё и занавески задернуты. И лишь иногда, когда уже совсем невмоготу, выведет жена ночью в Лосинку – словно собаку выгуливает, порезвишься, полетаешь чуток.

Тогда Ваньку и встретил.

Жуткое зрелище, когда мимо тебя, летящего ещё с опаской – как бы по неумению вниз ненароком не рухнуть, проносится в ночи чудище с растопыренными крыльями и свисающими голыми ногами. Ванька – он голым летал.

Вот тогда я чуть и не рухнул. С перепугу даже не сообразил, что он такой же, как я. Заметался – и вниз! А там деревья. Я сквозь ветки – с треском, кожу обдирая. Сажу на земле, не двигаюсь, затаился.

Этот здоровой чёрной тенью накрыл ещё пару раз и исчез. Ну, думаю, пронесло. Что же это было такое?

Вдруг слышу, идёт кто-то, ветки трещат – пробирается! Кричит: «Эй! Мужик! Где ты? Да не бойся, выходи! Мы с тобой одной крови!»

Тут меня и осенило: он такой же. Тоже с крыльями!

Познакомились – и закончилось моё одиночество.

Пришли к нам домой, жена на кухню – готовить, а мы с ним – в комнату и... будто языками зацепились. Меня как прорвало, не остановить. Почти год ни с кем, кроме жены, не разговаривал. Картинка, вообще-то, сюрная – сидят за столом два голых мужика, крылья до полу свесив, жена этих голых по очереди с ложки кормит, а они с набитыми ртами всё говорят и говорят, перебивая друг друга. Про этого хрена в сандалиях, про жизнь исковерканную.

Оказалось, Ванька уже полтора года в таком состоянии находится. Жена три месяца выдержала и выгнала. Грозил, сука, что если не освободит квартиру, то заявит – и упекут его, куда следует.

Промзона есть заброшенная в Лосинке, недалеко от станции Белокаменная, там он обретался. Хлебнул! Жрал по ночам на помойке. А куда деваться? Потом к бомжам пристал. Полегче стало. Этим безразлично, есть у тебя крылья или нет. Подкормили чуток. Но не долго продолжалось. Как-то спьяну отметили ни за что. Просто под пьяную руку подвернулся. А крыльями-то не особо отмашешься.

Потом светлая полоса пошла, как в сказке. Только вместо красавицы принцессы – одинокая старушка.

Ванька – мужик весёлый, разбитной. И рассказывает про своё житьё-бытьё весело. Слушать интересно.

– Представь, – говорит, – плетусь я как-то ранним утром, только светать начало – голодный, оборванный. Пока темно было, по помойкам окрестным шарил. Всё, думаю, сдаваться надо. Пускай забирают, пусть взаперти держат, зато хоть кормить будут. Не могу больше. И иду уже открыто, не прячусь – будь, что будет. Смотрю: на лавочке старушенция сидит – божий одуванчик, хлебом голубей кормит. Чего в такую рань на улицу выползла? Батон крошит и перед собой разбрасывает. Голубей целая стая, жирные, возле её ног суетятся, подбирают крошки. Ненавижу птиц! У меня при виде белого хлеба аж слюна по подбородку потекла. Почему этих жирных подкармливают? Распугал голубей, встал перед ней, крылья свесил – мол, я тоже птица! Она, вроде, и не удивилась. Словно всю жизнь мужиков с крыльями видала. Хлеб мне протягивает. А как я его возьму? Присел на скамейку, с ней рядом, она меня с рук покормила. Потом к себе взяла. Одинокая. Сердобольная. Так и стал я у неё жить и её пенсию проедать.

Несмотря на все передряги, Ванька оставался подтянутым красивым мужиком лет сорока – кудрявый брюнет с широкоскулым улыбчивым лицом, в бороде и при обильной шерсти по груди и животу.

Он у меня тогда два дня прожил. На третий день домой запросился. Говорит – старушка моя поди с ума сходит, думает, отловили.

Да я и сам уже понимал, что пора ему сваливать. На Машу он начал поглядывать, заметно стало. Она тоже расцвела, порхает по дому. Как же, новый мужик по квартире голяком расхаживает. И, чувствую, сравнение не в мою пользу.

Ванька – он такой... наглый немного, что ли... Везде себя как дома чувствует.

Выхожу я как-то из спальни, а он:

– Валя! Что у тебя с лицом? – И глаза испуганно таращит.

– Что с лицом? – спрашиваю.

– Да у тебя же клюв вырос!

Купился! В прихожую, к зеркалу метнулся. Моя стоит в дверях – заливается. Весело ей! А этот довольный. Грудь волосатую выставил...

С одеждой у нас жуткая проблема. Во-первых, она оказалось и не нужна вовсе. После того, как крылья отрасли, я совсем перестал мерзнуть, и жарко мне ни разу не было. Во-вторых, сам – ни надеть, ни снять. Ну и в-третьих, прошу прощения, как в туалет ходить? Сначала жена всё старалась что-то приспособить – то фартук натянуть, то рубаху длинную. Неудобно. Да и не нужно. Чего жену стесняться? Не такое видели. Через пару месяцев и я, и она привыкли.

А тут Ванька мне признался, что у него женщины полтора года не было. Нет, думаю, пускай валит от греха подальше.

Договорились, где и когда будем встречаться, и жена его повела, ночью. Он возле «Маленковской» со своей старушкой жил, от нас недалеко.

Сажу у окна, в темноту гляжу, жену дожидаясь, переживаю. А ну как они сейчас с Ванькой любовь закрутят, а меня по боку? Парень видный, по бабам истосковавшийся. Ну и что, что она старше на десять лет?.. Сейчас ему не до жиру. И такую я незащищенность почувствовал. Ведь пропаду без жены. Не выживу один.

Обошлось. Вернулась. Зажили, как прежде.

Нет. Вру, конечно. Всё по-другому стало.

Ванька меня ещё с тремя крылатыми свёл, что в Лосинке обретались: Димон-рыжий, Петрович и Дед. Но дружбы с ними как-то не наладилось, да и обитали они далековато – не налетаешься.

Разными они были.

Димон действительно был рыжим. Странное сочетание – залысина со лба, окаймлённая рыжими волосами, и угольно черное перо на крыльях. Димон – он совсем безбашенный. Даже в дневное время летать не боялся. И ловцов ненавидел люто: убивать, мол, этих сук надо, не они нас должны отлавливать, а мы их.

Петрович – тихий, пожилой, пришибленный. Ныл всё время, на судьбу жаловался. Хотя как раз ему-то жаловаться грех. В семье, и сын его пас. Летом на дачу на машине вывозили.

А Дед был натуралом, отшельником. Да и какой он Дед?! Не больше пятидесяти. Маленький, юркий. Но – патлатый: волосы ниже плеч, бородища на грудь сползает. С первого дня, как крыльями оброс, с внешним миром порвал. Жил в лесу, ночевал (вернее дневал – так, наверное, правильнее выразиться) на деревьях. Сыроед – мясо сырое жрал. Охотиться наострился на мелких птиц, мышей. Кормушки птичьи ночами подчищал – их много в Лосинке. Про себя говорил: «Я новая особь – человекокрыл! А значит, и образ жизни у меня должен быть особый, наиболее приближенный к природе. Врости в природу надо, слиться с ней». Но, глядя на него, вращать почему-то не хочется. Кофе я хочу по утрам пить, а не воду из лужи... А что ногами вытворял! Уму непостижимо. Всё мог делать. Ну, или почти всё.

Встречались время от времени.

А потом Димон сбил с панталыку. Да и сами хороши... Всё от скуки. Ведь целыми днями дома. Жена на работу уйдет, а ты майся в четырех стенах, пялся в ненавистный телевизор.

Ванька тогда общий сбор протрубил. Встретились ночью, впятером. Чтобы всем вместе собраться – это редкий случай, мы же на проводников завязаны. Петрович совсем задёрганный, причитает по обыкновению, что жизни нет, плохо всё закончится. На его нытьё обычно внимания не обращали, но в этот раз посочувствовали: ловцы на него вышли. Суки!

Про ловцов мы мало чего знали. Даже не знали, что их так называют. Для нас они тогда были обыкновенными тихорями. Даже не знали, к какому ведомству

принадлежат.

Петрович заметил, что у него под домом серые людишки целыми днями во дворе просиживают, на окна смотрят. Дом Петровича возле «Окружной» – перемахнул, и ты в Лосином острове. Сын его этих серых по вечерам пару раз в Лосинке видел, прогуливаются по тропинкам. Потом из домоуправления и милиции с дурацкими вопросами зачастили и все в квартиру войти пытаются, разнюхивают что-то. Видно, кто-то что-то заметил и стукнул. Петровича вычислить немудрено – уж больно с ним семья возится – и погулять ночью, и на машине на дачу.

Димон сразу предложил замочить серого, чтобы другим неповадно было. Говорил же – совсем безбашенный. Я наотрез отказался, Ванька тоже. Петрович вообще, мне показалось, обделался. Запричитал, заскулил.

Удивительно, что Рыжего поддержал Дед. Но у этого свои заморочки.

– Мы, – говорит, – уже не люди. Мы другая особь. Поэтому человеческие законы для нас не писаны. И если нас по щеке, то мы другую подставлять не станем.

Решили проучить – напугать до полусмерти и морду хорошенько начистить. Со скуки всё, от нечего делать... Решить-то решили, а как технически выполнить?

Разработали план.

Сначала ничего путного придумать не могли, потом начало вырисовываться благодаря сыну Петровича – Генке. Оказалось, он любую власть, а особенно ментов, ненавидит. Насолили ему чем-то крепко по молодости.

Выбрали день, вернее, ночь. Вечером Генка Петровича из дома вывел, и пошли они в Лосинку. Топтун, что под домом ошивался, за ними следом. Один он. Ему, я думаю, боязно было близко подойти, поэтому плёлся в отдалении – то ли подмогу поджидал, то ли просто удостовериться хотел, что действительно крылатого обнаружил.

Я их уже ждал. Пропустил вперёд и стал следить – не появится ли подмога, вдруг этот тихушник всё же вызвал.

Они тем временем на просеку под ЛЭП вышли. Петрович с Генкой – в лес. По договоренности, Генка должен был сразу Петровича на машине на дачу увезти.

Тихушник стоит, озирается. Только что двое впереди шли и вдруг пропали. И тут из травы – Ванька с Димоном поднялись – засадный полк, блин! Я хоть и знал, что они там, всё равно жутко стало. Выросли из ниоткуда, встали, крылья раскинули и пошли навстречу.

Топтун аж присел по началу. И смотрю – зашарил, зашарил руками. Ё-моё, а если у него ствол?! Если палить начнёт?! Об этом мы как-то не подумали. Нет, побежал. Зигзагом. В лес решил рвануть. Куда ж тут убежишь, нас вон сколько.

Дед его слёта снял! Вымахнул на просеку чёрной тенью. Пронёсся, догнал и обеими ногами, пятками, сверху по голове. Тот и повалился в траву.

Мы подошли. Лежит, не двигается. Без сознания, наверное. Дед его хорошо приложил. Пока в лесу жил, наловчился таким макарком разную живность мелкую бить.

Стоим над ним, а что делать не знаем. Не метелить же такого?

Дед его ногой обшарил. Под курткой действительно кобура наплечная и ствол.

Тут мне нехорошо стало. Предчувствие. В какое-то дерьмо мы вляпались, надо было тихо сидеть, не высовываться.

– Ну, что, – спрашиваю, – расходимся?

– Подожди, – говорит Димон, – очухается, мы его допросим.

Ага, как же! Фонарик засветил там, где тропинка на просеку выворачивает. И ещё один. Вызвал, всё-таки, сука подмогу! Успел.

– Разбегаемся! – шепчет Ванька. – На крыло и над лесом. Неделю из дома не выходить. Связь – по телефону. Дед, мы тебя сами найдём, затаись, не высовывайся.

Мы уже в разбег пошли.

Я ещё успел сказать, что недели мало – они Лосинку обложат, надо дольше отсиживаться.

Взлетели друг за другом – Дед первым, он здесь каждое дерево знает – низко, ногами ветки сшибая.

Боком нам это предприятие вышло. Лосинку обложили так, что не продохнуть. Мало того, что по двое гуляющих в штатском – на каждом шагу, так ещё и конную милицию пригнали. Дед потом рассказывал, даже с приборами ночного видения засады устраивали. Навели шухер. Правда, одно доброе дело сделали: бомжатник вдоль железки извели под корень.

Хватило их только на месяц. Но просидеть взаперти месяц в квартире – это, я вам скажу, тоже не сахар. Ладно, чего уж там говорить, просидели.

А потом – осень с её дождями, а потом – зима.

Когда полило с неба, затяжными, холодными... – вот тогда тоска. Смотришь, как вода по стеклу, как ветви в темноте качаются – никого на улице, только и лети! Да ведь один из дома не выйдешь, жену под дождь тащить с собой надо. Это я холода не чувствую, а она... Вот и сидишь перед мокрым стеклом нахохлившись.

Зима накатила, белым обволокла.

Маша моя – молодец. Такую одежду мне скомстролила! Пальто на липучках вместо пуговиц – на полу ногой наступишь, плечами поведёшь, оно и соскальзывает. На спине – дыра. К этой дыре она рюкзак сверху пришила – как раз крылья уместаются. В рукава тряпок напихала, чтобы объёмными были, и варежки на концах. В таком виде и на улицу выходить не страшно. Идёт парочка: он с рюкзаком за плечами, она его под руку держит.

Зимой, особенно когда минус побольше, летать хорошо. Народ по домам сидит. Кому охота ночью в мороз по лесу шататься? Одна беда – светло от снега очень. Голым себя чувствуешь, беззащитным – отовсюду тебя видно.

Я этой зимой много летал. Маша меня за железку выведет, я пальтишко на поляне скину, она его на сучок, на дерево, повесит и домой идёт – спать. А я остаюсь. Она под утро приходит и забирает меня. Ей, конечно, тяжело – она потом на работу, а я отсыпаюсь целый день.

Сначала просто летал – от самого полёта кайф ловил. А потом понял, что учиться надо. Не всё так просто.

Вот взлёт, например, с разбега – это легко. А с места? Если сразу надо?

Я и так пробовал, и этак... Оказалось, подпрыгнуть надо, ноги поджать и заваливаться в падении на бок, вот только тогда первый мах. Да, бывает порой, крыльями землю цепляешь, не без этого.

Или приземлиться... Как сразу остановиться и равновесие удержать?

Здание нашёл старое, заброшенное. В Лосинке, вдоль товарной железки, таких ещё с советского времени много осталось. Бортик там на крыше бетонный был. Вот я на нём и тренировался. Поднимусь в воздух, заложу круг и вниз, на посадку, на этот бортик. Поначалу ничего не получалось – только коснусь ногами, меня сразу вниз валит. Как не машу крыльями – всё равно соскальзываю, и приходится снова на крыло. Приноровился, через месяц уже садился как вкопанный.

С Ванькой часто виделись, летали вместе Деда подкармливать. Я предлагал Деду на зиму у нас поселиться, но он упрямый, как чёрт. Нет – и всё. Правда, с дерева слез, перебрался в полуразрушенный барак – хоть крыша над головой. Наташил тряпья – устроил логово. Димона видел всего пару раз, в начале зимы. Потом он пропал. Ванька сказал, какая-то алкашка молоденькая подобрала, пьют вместе, вмёртвую. Петровича так в Москву и не привезли, живёт на даче.

А когда уже снег таять начал, Деда подстрелили. Это не ловцы. Дробью шарахнули, ногу зацепили. Какой-то Вильгельм Телль доморощенный объявился. Дед говорит, били из двух стволов... Бинты ему приносили, лекарства. А как перевязывать, если рук нет?

Ладно... Вылечили. Оклемався Дед.

Вот тогда я наконец понял, что обложили нас крепко. Ну, год можно в таком режиме выдержать, может, два, если повезёт. Но дальше-то что? Либо отловят, либо с ума сойдёшь в четырёх стенах сидеть. Сваливать из Москвы надо! А куда? В Сибирь, в леса непролазные. А с женой как? Не поедет. А без жены как? Не добраться. Вот если бы она машину водила. В общем, куда не кинь, всюду клин. Тоска...

В начале июня Ванька позвонил. Возбуждённый, кричит в трубку: срочно встретиться надо. Надо так надо. Встретились. Тут он про слёт и рассказал.

Ну, думаю, сдвинулось дело...

Слетелись.

Как же... Бардак ещё тот – каждый в свою дуду дует.

Всё по классике – историю партии мне со школы в голову вдалбливали – меньшевики, большевики, центристы разные, болтающиеся, как дерьмо в проруби. И конечно, по Чернышевскому, основной вопрос: что делать?

Большинство – за то, чтобы контактировать с государством, участвовать в исследованиях и прочей лабуде. Что-то детское проглядывает: я маленький и слабый, пускай взрослые мне помогают. Как? А не важно. Они большие и умные, сами решат. Я буду верить и подчиняться.

Меньшинство – агрессивное, воинствующее. Основной лозунг: «Мы наш, мы новый мир построим!» Ну, и дальше, как по писанному... Государство – враг. Ловцам – война до победного. Мы – новая общность: Человек Летающий. Нам принадлежит будущее!

Куда интереснее с центристами. Паноптикум.

Отринуть всё человеческое – мы птицы. Никаких контактов с людьми, осваиваем небо. Люди – не нужны и неинтересны. Пускай будут. Не обращать на них внимания. Как рыбы – пускай плавают. Они внизу. А для нас – небо. Небо – наше всё. Пускай отлавливают – всех не отловишь. Там, наверху, ближе к солнцу, к звёздам, откроется истина: зачем мы?

Романтики неба, блин.

Есть и прагматики. К ним, кстати, Дед радостно примкнул. Слиться с природой – основной тезис, и он не обсуждается – постулат. Вопрос – как? Мы – человекоптицы. Мы знаем, как живут и что могут люди, но не знаем, как живут птицы и что могут. Значит? Значит надо учиться у птиц. Перенимать их повадки.

Пример? Пожалуйста. Представьте: пока все орут, перебивая друг друга, ищут выход из передряги, убеждают сдаться под крыло государства или же, наоборот, войти в полную конфронтацию, группа крылатых чуть в стороне, тренируется под руководством какого-то лысого мужика с лёта приземляться на лежащее бревно, цепляться ногами и удерживать равновесие. Мы – птицы, ветви деревьев – наша земля! Учитесь цепляться. И ведь сидят, идиоты, на своём бревне, как на жёрдочке, ноги растопырили, яйца болтаются, равновесие держат – учатся.

Какой-то мудака кричал: «Демонстрация! Красная площадь! Заявить о себе. Права. Пенсия по нетрудоспособности». И всё как заведенный талдычил: «Надо выйти на поверхность!» Словно мы летаем не в небе, а под землёй кротовые норы обживаем. Морду хотелось набить идиоту!

Ну и, конечно, этот в сандалиях всех интересовал... Кто он? Черт? Бог? Найти! Как? Где последний раз его видели? Крик, гам, проклятия!..

Вот тогда я на Валерия Палыча и обратил внимание. Сидит себе мужик – пожилой... не пожилой, как-то и не скажешь – ничего особенного, в обычной жизни мимо такого пройдёшь – не заметишь. Коренастый, сила в нём чувствуется. И так сидит... будто грибник присел на пенёк отдохнуть. Только корзины у ног не хватает. Молча слушает, спокойно. Это и привлекло. Сам-то я глотку сорвал, козлу, что рядом стоял, доказывая, что если сдадимся – свободы не увидим. Цепочку на шею набросят, и будем на привязи круги в небе выписывать. И жрать, что дадут, как свиньи из лохани, стоя на коленях.

Подошел. Присел рядом. Сижу, тоже молчу – наорался. Так и сидели, а вокруг ор, гвалт не стихает. Чего орать? Ежу понятно, никакого общего решения не будет.

Тут он ко мне повернулся и говорит:

- Нет, не дадут они нам житья здесь. Выловят всех. Уходить надо. Как считаешь?

- Факт, - отвечаю, - только куда?

- Да есть одна идейка...

Я его не тороплю, не спрашиваю, жду, когда сам расскажет. А он замолчал.

Хрен с тобой, думаю, хочешь темнить - темни.

Тут тот, который всё звал на поверхность вынырнуть, подкатил:

- Валерий Палыч, вы что думаете по поводу открытого письма Президенту? Выберем инициативную группу. Сообщим о притеснениях, выдвинем свои требования, организуем сбор подписей. Пресса, телевидение, радио, иностранные журналисты... - и понёс пургу, не остановить. Глаза горят, слюной брызжет.

- Неплохая идея, - отвечает Валерий Палыч, - вот вы, Владимир, и займитесь организацией такой инициативной группы. Четко сформулируйте требования, а мы на следующем слёте их обсудим. А сейчас, извините, мы тут с товарищем, - на меня кивает, - сугубо личный вопрос обсуждаем...

- Всё! Всё, ретируюсь. Значит вы - за?

- Ну конечно.

Унесло ныряльщика. Пошёл другим мозг разрывать.

- Удивительно, - задумчиво произнёс Валерий Палыч, - нас всего-то три десятка, и вот, пожалуйста, уже свой сумасшедший. Как не понимает: высунешься - сразу отловят и запрут. Кстати, это не вы с ловцом в прошлом году разобрались?

- Было дело... - отвечаю.

- И как? Полегчало? Стоило того?

– Нет. Глупость полная. Только внимание к себе привлекли. Сами себя в четырёх стенах заперли. До сих пор эта часть Лосинки под наблюдением.

Посидели ещё, помолчали. Я уже уходить собрался, когда он спросил:

– Я слышал, у вас машина есть?

О-па! Выходит, ему про меня всё известно...

Глава третья

Мы так и не выяснили, кто нас сдал.

Думаю, на крылатых грешить не надо. Хотя... как знать?..

Слишком долгой была подготовка отъезда. Пришлось много народа задействовать. Маршрут, транспорт, проводники, финансы... Всё организовать, не выходя из квартиры, действуя через подставных, – та ещё морока.

Другое непонятно – почему нас сразу не взяли, тянули до последнего? Может, отслеживали: на кого-нибудь ещё выведем? Или не знали они ничего толком, вот и выжидали? Дело тёмное...

Добираться до границы с Монголией решили на машинах – по-другому никак. В самолёт и поезд не просочишься. Самим – ночами, летом? Уж больно километраж большой и ночёвки в неизвестных местах стрёмные, отловят по дороге, не долетим. На машинах добраться шанс есть. Но и технических сложностей хоть отбавляй...

Изначально нас было пятеро крылатых и два проводника. Команду Валерий Палыч подбирал. Я ему посоветовал Ваньку взять. Он сначала отнёсся скептически, потом, когда узнал Ваньку поближе, согласился. Ванька, он взбалмошный, но мужик хороший. С Ванькой – шестеро стало.

Думали, что сможем добраться на двух машинах. Одна была у Валерия Палыча, другая – у меня. Дочка Валерия Палыча – проводник. Только закончила курсы вождения, получила права. Тот ещё драйвер! Но что поделаешь? Второго-то шофера вообще сначала не было.

Валерий Палыч договорился. Привел мужика – старого своего приятеля. Сергей.

Мне этот Сергей сразу не понравился. Нервный какой-то... Худой, даже, я бы сказал, болезненно тощий, лицо злое, с желтоватым отливом, и кадык торчит. Так и веет от него неудачником, непризнанным гением, обиженным на весь свет. Но выбирать-то не из кого... Да, и ещё, как я понимаю, он условие поставил, что, когда до места доберёмся, фотосессию нам устроит. Фотограф, блин! На чужой беде прославиться захотел. И как-то даже жалко этому прощелыге кормилицу мою в руки отдавать – изнасилует ведь. Да мне уж, видно, больше не рулить...

Отъезд наметили на раннюю весну. Пока доберёмся – глядишь, уже и лето.

Разработали маршрут и схему передвижения. Перед каждым большим городом – пост ГАИ, не дай бог остановят! Поэтому решили, что мы – крылатые – высаживаемся и ночью город облетаем сами, потом на трассе нас подбирают проводники на машинах.

А вот когда список вещей составили, тогда и ужаснулись: в две машины точно не влезает, нужна третья. Или... двух крылатых убирать.

Приуныли. Ни машины, ни проводника. Перебрали ещё раз вещи: палатки – нужны, спальники, печки – нужны, да до фига всего нужно. Как ни крути, не помещаемся в две машины.

Всё застопорилось.

Тут ещё зима накатила. Я затосковал.

Два года уже! Два года в четырёх стенах, прячься! Застрелиться!

Ванька пропал куда-то, на звонки не отвечает. Раньше, время от времени, летали вместе, а сейчас? Предложи мне кто-нибудь ловца поймать и отметить,

я бы от скуки не задумываясь согласился. И о последствиях бы не думал. Хотя какое-то действие.

К Валерию Палычу съездил, пожил у него неделю. Ольга привезла. Она ночами по Москве круги на машине нарезала, тренировалась – боялась предстоящей поездки, это чувствовалось.

Я думал, у него развеюсь – новое место, новые люди... Куда там! Он в центре, на Патриарших жил. У меня-то Лосинка под боком, хоть раз в неделю, но точно летаю. А он? Как выдерживает?

Взвыл я. Домой запросился. Неделя такой жизни меня достала. Он книжки целыми днями читает, а я у телевизора сижу (читать-то я не очень...). И разговоры, рассуждения эти... – голова пухнет, а ничего не проясняется.

В одном я с ним соглашался на все сто – сваливать надо из Москвы, и подальше. А как жить потом – не представлял. Прямо по Троцкому: движение – всё; цель – ничто!

А вот Валерий Палыч к вопросу о дальнейшей жизни спокойно относился. Ему всё ясно было. Пересидеть, переждать. Затаиться и следить, как будут развиваться события.

Он это хитро объяснял... я не совсем его понял, но зацепило.

Говорит:

– Каждое математическое действие обладает временем.

– Как это? – спрашиваю.

– Если совсем по-простому, то смотри: когда ты делишь шестнадцать на два, ты ведь не сразу получаешь ответ?

– Да, – говорю, – я в уме считать стараюсь, на это какое-то время требуется.

– А если большие числа взять? Ещё дольше думать будешь?

- Ну... всё так... А к чему это?

- История, социальные процессы – они очень похожи на математические действия. Времени требуют. И это время всегда идёт на то, чтобы привести числа к общему знаменателю.

Вот тут, честно говоря, я совсем перестал его понимать.

- Ну... – говорю. Вроде, как показываю, что всё мне ясно.

- Смотри. – Он сразу понял, что я не врубаюсь. – Математика, она же проста, как яйцо – что заложишь, то и получишь. Представь, есть двойка и четвёрка, они никак не связаны, каждая цифра сама по себе. Но вдруг, к своему несчастью, они соединились или их соединили, одним словом, встретились. Сколько вариантов развития событий этого соединения ты насчитаешь?

- Делить надо?

- Почему делить? Складывать, вычитать, умножать! Но в любом случае цифры соединятся, войдут одна в другую, станут единым целым. Так рассуждать, конечно, некорректно, но я для себя называю это – прийти к общему знаменателю.

Я только ушами хлопаю.

- В математике, – говорю, – не силён. В школе тройка была, да и то потому что учителю надоело меня гнобить. Дожал я его своим разгильдяйством. К жизни-то ваша математика как относится?

- К жизни? Про красных и белых, ты, надеюсь, слышал? Гражданская война. Те же цифры, если посмотреть сбоку. Что там произошло – не будем судить. Но совершилось действие! Умножение, деление, вычитание... И эти, так сказать, цифры пришли к общему знаменателю – образовалось новое государство, возник новый строй. То есть действие привело к некому результату. И не нам судить, хороший результат получился или плохой, правильное или неправильное было применено действие. Математика не знает таких понятий.

Мне, если честно, уже стало надоедать. Из уважения слушаю. Да и ладно. С белыми и красными – всё понятно. Доходчиво объяснил. Математику – по боку.

– К нам-то это, – спрашиваю, – как относится?

Он задумался. А потом и выдал.

– Ты знаешь, мне кажется, мы в самом начале арифметической задачи. Есть целое – устроенное, узаконенное мировоззрение – это одна цифра, и она существует, как ей кажется, в некоем абсолюте. Это значимая, большая, многозначная цифра. И вдруг появляется другая. Маленькая, едва значимая, пока ещё с большими нулями перед единицей – никакая. Но она есть! И существует вероятность, что она будет расти. Пока она крайне мала, многозначная ничего не теряет от их взаимодействия – не становится ни меньше, ни больше. А если вдруг маленькая возрастет? Что станет с многозначной?

– Мне кажется, либо уменьшится, либо ещё больше станет, – выдал и сам себя зауважал.

– Правильно! Понял. Дальше все просто. Многозначная, стараясь себя сохранить и умножить, попытается приспособить малую величину под себя – умножить, сложить. Вопрос в другом: что из себя представляет эта малая величина? А в будущем? Может, она совсем и не малой станет?

Вот тут я опять его перестал понимать. Хотя... у нас сейчас как? Есть они и есть мы. Каждый жить хочет. Некоторые – я тех имею в виду – хотят жить кучеряво. А нам выживать надо. Что из этой арифметики получится – время покажет. Они-то, конечно, сила. Мы – кто? Пыль, поднятая ветром. Но ведь засуетились. Отлавливать начали. Выходит, значим мы что-то.

Умный всё-таки мужик Валерий Палыч!

Хотя ему рассуждать хорошо... Возле него дочка вон как вьётся. Он в этой Монголии не пропадёт. А мне – как? Одному, без жены, без помощи? Да на краю света...

С Машкой – проблема... Как услышала про Монголию – в крик, в слёзы: не пущу! Это мне знакомо. Она всегда так – сначала эмоции, потом голову включает. Но сейчас долго уговаривать пришлось. Тоска у неё в глазах заплескалась. Я ей твержу, мол, съезжу, посмотрю, как и что... Если всё нормально будет, сообщу – тогда и ты приедешь. Не на век же расстаёмся. Не верит. Плачет по ночам. Смурная ходит.

А с другой стороны, я же вижу, как ей тяжело. Я – кто? Инвалид, тяжело больной в доме, ни к чему не пригодный. Два года уже... Извелась она от такой жизни. Выход? А нет выхода! Выгнать и зажить своей жизнью она не может – не такая. Остаётся терпеть. Тянуть эту ляжку.

Баба она, конечно, уже не молодая... но шанс жизнь по-новому построить у неё ещё есть. Это я тоже понимаю. Вот и подумал, отъезд в Монголию может всё на свои места расставить. По крайней мере, что-то изменится, а уж к лучшему или к худшему – посмотрим.

Валерий Палыч опять же помог. Прониклась она к нему – серьёзный, рассудительный.

– Вы, – говорит, – присмотрите за этими шалопаями, чтобы снова в какую-нибудь передрягу не попали (это она про нас с Ванькой).

А вот с Ванькой плохо получилось... Ведь сошлись уже, сдружились.

Месяца два от него ни слуху ни духу. Объявился. И какой-то он не такой... не веселый, как обычно, задумчивый. Я ему про отъезд, про сборы, а он и не слушает. Вздыхает, глаза отводит.

Слово за слово... выяснилось: влюбился Ванька!

К старушке его родственница из деревни прикатила. Молодая женщина, тридцати ещё нет. И детей нет. Глухая деревня в Брянской области. Леса вокруг. Муж-алкаш два года как помер. Колхоз тоже помер – ни денег, ни работы. Дальше всё просто – да по-другому и не могло случиться. Она – молодая, одинокая, по мужику изголодавшаяся. Он – в четырёх стенах измаявшись, женщин три года не видевший. Конечно, они сошлись и такую любовь закрутили, что перья во все стороны.

Я его старался урезонить.

– Ванька, – говорю, – ну куда лезешь? Сам подумай, ей и так по жизни тяжело, а тут ещё ты безрукий. Ты же обуза для неё.

Какое там! Глаз горит, любовная лихорадка бьёт. Твердит, как помешанный:

– В деревню поедem! Дом, хозяйство, лес, охота, грибы, ягоды.

Я ему:

– Вань, охлонись. Ты же без рук! Какое хозяйство? Тебя самого кормить надо.

Не слушает. Не хочет слышать.

Я с другого бока.

– Вань, – говорю, – а может, она с нами в Монголию? Не совсем с нами... Мы – на разведку. Если всё нормально, напишем – приедет.

– Не хочу, – говорит, – никакую Монголию. За сотню вёрст, киселя хлебать. Здесь хочу, дома!

И опять за своё – хозяйство, лес...

О, как заговорил! Мне даже обидно стало.

В общем, разругаться – не разругались, но кошка между нами пробежала...

Я напоследок его предупредил.

– Ваня, – говорю, – Брянские леса – это не Лосинка. Места глухие. Народ тёмный, и у каждого второго – ружьё. Начнёшь летать по ночам – застрелят!

Как с гуся вода!

Через месяц я ему позвонил. Старушка подошла – плачет.

– Уехали они, – говорит.

Деда как-то встретил. Он вконец оприродился. Сидит на суку, словно сова, голый, лохматый.

Про Димона Дед рассказал. Этот безбашенный на войну рванул, в Донецк. У него кореша в спецназе. Говорит: «Пригожусь! Разведка или гранату куда надо метнуть. Любому ловцу там кореша мигом бошку открутят».

Опустела Лосинка.

Весна наступила. Отъезд через неделю.

Сижу дома, сосу чай через трубочку, скучаю. Звонок. Валерий Палыч.

– Уходи, – кричит в трубку, – из дома! Сейчас же!

Что? Как? Почему?

– Придут сейчас за тобой! Уходи! Машу не дожидайся.

Я только успел спросить: «Как встретимся?» Но он уже отключился.

В окно глянул, внизу как раз фургон возле подъезда остановился. Вылезли трое в комбинезонах. Вроде ремонтники. Шофёр в кабине остался. Стоят, озираются. Тут к ним мужичок невзрачный подошел. Откуда он нарисовался, я и не заметил. А комбезы-то на них чистые! Только что не отутюженные.

А вот и мент в форме, и тоже к ним. Разговаривают. Один из машины «болгарку» здоровую достаёт.

«Ага, – думаю, – это они меня из квартиры выковыривать собрались. Дверь-то железная. Мент – чтобы соседей успокоить».

Пока они внизу возятся, из квартиры я выскочить успею. А дальше? Дверь на чердак заперта. В подъезде не отсидишься – либо эти найдут, либо соседи с перепугу крик поднимут. Аааа! Была не была!

Я – на лоджию. Она на другую сторону дома выходит. Стёкла на солнце блестят. Распахнул створку – вот оно, небо! Голубое, весеннее, радостное, белыми облаками разукрашенное. И мне почему-то весело стало, словно в детскую игру играю – не поймаешь! Ногой табуретку придвинул. Взгромоздился на подоконник, ноги вниз свесил, крылья наружу – готов!

Ну?!

Оттолкнулся, повалился вниз, задел больно пяткой какой-то выступ, выправился, почувствовал воздух под крылом – держит! Хлестнули ветки по лицу. Лечу!

Внизу закричали.

Низко, через двор – детская площадка – промельком – между домами, вывернул и пошел набирать высоту.

Кричат внизу, кричат!

Вот уже Лосинка – зелёной стеной; железка – электричка шпарит. Перемахнул поляну и пошёл низко над деревьями в сторону болота.

Ушёл! Хрен они меня здесь найдут!

Глава четвертая

– Мария Николаевна, что вы так нервничаете? Успокойтесь. Нам надо с вами просто поговорить, заручиться, так сказать, поддержкой.

Следователь (или кто он там) – Леонидом Сергеевичем назвался – был красивый. Жалела, что не попросила показать документы. Спрашивать сейчас было как-то неудобно.

Молодой, лет тридцати. Куртка летняя, бежевая, лёгкая, рубашка светлая. Фигура спортивная, стрижка короткая. Про таких говорят: приличный молодой человек. Взглядом встретится – не заметишь, как улыбнёшься в ответ.

Напротив за столом сидит, карандаш в руках вертит. Тонкая стопка чистых листов – сбоку, на краю стола, но пока не взял. Смотрит, улыбается.

Другой у окна стоит, о подоконник опёрся – этот дворняжка, сразу видно. Постарше будет, под сорок. Невысокий, но крепкий. Лицо плоское, круглое, глазки сонные, маленькие. Брюки мятые, джинсовая куртка потёртая. Невзрачный какой-то... Мимо пройдёшь – не заметишь.

– Мы ведь и вам, и Валентину Борисовичу добра желаем! Вы нервничаете, молчите, а нам ваша помощь нужна, – говорит и говорит, не переставая, словно убаюкивает.

– Как же не нервничать? – Стряхнула оцепенение. – На работу приехали, в машину посадили, сюда привезли. Ничего толком не объясняете. Что случилось?

Валю забрали – это ясно. Я-то им зачем нужна? Про кого-то ещё узнать хотят? Или будут шить укрывательство? Так вроде официально крылатые не под запретом...

– Мария Николаевна, а когда с Валентином Борисовичем этот казус случился?

– Так вы у него и спросите.

– Ох, Мария Николаевна, Мария Николаевна! Не хотите вы нам помочь! – И улыбается так, словно друзья мы лучшие, ещё немного, и кинемся друг другу в объятия.

– Так вы скажите толком, в чем проблема? Я и помогу. А то вы ходите вокруг да около.

Вот сволочи! На работу приехали, через директора вызвали, всех переполошили. Добра хотят. Как же! А мне теперь на работе объясняйся...

Всегда ментов боялась. Не доверяла этой вороватой стае. Помнила: когда в конце девяностых бандюков прижали, те в милицию подались. А куда им ещё? Думала, в центр повезут, оказалось, нет. По Ярославке, почти до МКАДа. Мимо дома. Потом куда-то свернули и в Лосиный остров упёрлись, в шлагбаум. По аллее – и к одноэтажному зданию через железные ворота. А во дворе фургоны стоят, рекламой обляпанные: «Иваныч везёт!»

Тут она в ступор и впала: так страшно стало. Ловцы это! Понятно, для чего фургоны эти строительные.

– Да не смогли мы с Валентином Борисовичем поговорить. Пришли в гости, а его дома нет.

Ушёл Валька. Молодец! Как же ему удалось?

– Поэтому мы вас и потревожили. Очень хочется с ним пообщаться.

А ведь не улыбается уже, глаза прищурил, смотрит пристально.

Плевать! Валька сбежал, а мне бояться нечего. Ну, держись, улыбчивый. Сейчас я тебе такую дурку включу!..

– Что вы ко мне прицепились? – начала на визгливой ноте. – Откуда я знаю, где он? Бывает, месяцами дома не появляется. Хоть бы сгинул совсем! Сил уже нет терпеть. Его ведь кормить надо. А где деньги взять? Ломаешься целыми днями, а он появится – и холодильник пустой. А тут ещё вы приперлись, забрали! По какому праву? Если с работы теперь попрут, что я буду делать?!

– Тише, тише, Мария Николаевна! Ну зачем вы так... Мы как раз об этом и говорим – вам тяжело, Валентину Борисовичу тяжело с его недугом. Это ведь как болезнь. И он не один такой... Им всем помощь нужна. Кстати, он не рассказывал о своих друзьях?

Ага! Так вот тебе что надо!

– Мне только его дружков не хватает! Раньше шляется, пил с ними! А теперь в дом приводить? Так, по-вашему? Пусть только попробует. Одного дармоеда не прокормить, так ещё и дружков?! Черти бы и его, и их забрали!

– Лёня, – подал голос тот, что стоял у окна, – кончай эту тряхомудию. Ничего она не скажет.

Подошёл, навис над ней, что есть мочи хлопнул ладонью по столу:

– Как нам его найти? Говори! Он же весь город на уши поставит – ты это понимаешь? Дети заиками станут, если увидят. Ну! Где он?

Сжалась. Испугал. Не криком испугал, взглядом, в котором ненависть плещется. Чего он их так ненавидит? Они же безобидные. Но и разозлилась – только и могут с бабами да с убогими воевать, силу свою показывать. Да пошёл ты!

Такая обида взяла – на жизнь эту неправильную, на мужа крылатого, на безденежье, на подступающую старость... – а тут ещё эти орут, требуют...

И слёзы в три ручья, и подвывать в голос.

Наплевать, про что они спрашивают, чего добиваются...

Себя жалеть, жизнь свою никчемную оплакивать.

Улыбчивый – запел, заюлил:

– Владимир Иванович, зачем вы так? Вот, расстроили Марию Николаевну... Ну не надо плакать! Сейчас мы вам водички организуем. Владимир Иванович, ты не сходишь? А мы пока с Марией Николаевной побеседуем. Да, Мария Николаевна?

– Господи, боже мой! Да что вы от меня хотите?

Встал из-за стола, заходил по комнате.

– Поймите, Мария Николаевна, мы ведь только добра желаем – не только вам с мужем, всем! Ведь что получается? Вы мучаетесь, Валентин Борисович мучается, люди напуганы происходящим. Мы – я имею в виду государство – хотим решить эту проблему. Давайте рассматривать состояние Валентина Борисовича как болезнь. Неизвестную новую болезнь. И он не один такой! Таких больных уже много. Вот мы и хотим облегчить жизнь таким больным. За городом уже созданы специальные санатории для крылатых людей. Там они могут свободно общаться друг с другом, а не сидеть запертыми в своих квартирах или летать по ночам, пугая людей. Да, не буду скрывать, ученые изучают этот феномен, разрабатываются специальные программы. Но ведь всегда необходимы меры предосторожности, пока не выявлена причина, вызывающая эту болезнь. Вы согласны?

– Ну... В общем...

– Вы должны нам помочь! Уговорить Валентина Борисовича встретиться с нами. Мы ему всё объясним – и про болезнь, и про лечение, и про санаторий. Мы хотим, чтобы вы были на нашей стороне. Поймите, Валентину Борисовичу там будет лучше. А вам насколько легче станет – только представьте! Ведь всю заботу о больных государство берёт на себя.

– А навещать его можно будет? Муж всё-таки... Двадцать лет вместе прожили.

– Конечно можно! О чём разговор?

– Очень вы всё складно излагаете, только от меня-то что зависит? Это ему решать.

– Ему, ему! Но чтобы он принял правильное решение, он должен поговорить с нами. Мы ему всё объясним, покажем санаторий. Он встретится с людьми, которые там живут, – и вот тогда пускай решает сам. Никто его неволить не будет.

– Ну хорошо. А я-то что должна делать?

– Вы должны сообщить нам, когда он вернётся. Просто позвонить нам – и всё!

Надо соглашаться. Может, отвяжутся?

- Ладно. Я согласна. Могу я теперь идти?

- Конечно, Мария Николаевна! Вот вам моя визитка - там номер телефона. Как говорится - в любое время дня и ночи. И еще... Небольшая формальность. Просто для учёта... - Достал из стола отпечатанный лист, придвинул вместе с ручкой. - Вот здесь - фамилию, имя, отчество. А здесь - подпись.

- Что это?

- Расписка, что вы обязуетесь сообщать информацию о месте пребывания крылатых людей. Я же говорю - пустая формальность. Вы же согласились со мной, что, образно говоря, им под крылом государства будет лучше?

Нет, не отвяжутся. Вцепятся - не стряхнуть. Ничего не меняется в нашем государстве. Какие к чертям демократия и гласность? Всё то же вранье и стукачество, как и раньше. Отодвинула листок.

- Ничего подписывать не буду. И говорить с вами больше не буду. Делайте, что хотите.

Посмотрела в глаза этому улыбчивому. И улыбнулась в ответ.

Глава пятая

Про то, как добирались, рассказывать не хочу. Та ещё песня с припевом!

Всё пошло наперекосяк. С самого начала.

Из-за того, что нас кто-то сдал, собраться толком не успели, хотя основное было приготовлено. Барахло лежало в гараже у этого худого Сергея, и моя кормилица там же стояла. Куда сложнее оказалось всем встретиться и договориться об отъезде.

Меня загнали на Лосинку, и я шатался по лесу, опасаясь каждого шороха, ждал, когда Маша объявится, найдет меня.

Машу помуржили и отпустили, но топтуна приставили. Он не очень-то и скрывался. Она из дома, он следом – так и ходили парой. Как ей меня разыскать, если этот топтун прилип, точно банный лист? А Валерий Палыч звонит, торопит с отъездом. Ему тоже не сладко. Они с Ольгой у каких-то знакомых осели, и те уже косо поглядывают.

Маша у меня умная! Такой фортель выкинула! Знала, что я вечерами где-то поблизости ошиваюсь, жду её. Пошла в Лосинку, на нашу поляну, где меня обычно оставляла по ночам, когда летал. Топтун, естественно, следом.

Смотрю – идёт. А на голове у неё платок ярко красный, зелёными розами усыпанный. Этот платок попугаистый ей сын из своей первой загранички привёз. Мы ещё тогда смеялись: на улицу не выйдешь – люди будут пальцем показывать. Маша его ни разу не надевала. Так в шкафу и валялся. Я, как его увидел, сразу сообразил: дело не чисто. И точно! Идёт следом какой-то мужичонка неприметный. Ага, думаю, пасут.

Погано мне стало – сил нет! Я же три дня уже скрывался. Голодный. Как Дед, стал кормушки птичьи чистить: пшено, семечки, хлебные огрызки.

Но ведь не зря – рассуждаю – пришла?

Они с топтуном круг по поляне дали и ушли. Подошел я к тому месту, где обычно она пальто моё на дерево вешала – в траве бумажка скомканная валяется. А на бумажке – где, что и как написано. Молодец, Маша!

Собрались мы всё-таки вместе накануне отъезда. У Сергея-проводника на квартире. Однушка – шестерым не повернуться. Но мне по фигу было. Так оголодал за эти дни – только и делал, что ел. Всё куда-то отодвинулось: жена, сын – как будто уже уехал. И уехал навсегда...

Одно тревожило: с Машей толком не попрощался. По телефону переговорили. Плачет. Но я за эти дни, что голодный в лесу сидел, твёрдо решил: рвать надо с семейной жизнью. Хватит её мучить. Самому надо выживать, нечего других за собой тянуть. Может, и к лучшему, что не простились, не наобещали ничего друг

другу перед отъездом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/grinevskiy_aleksandr/kysh-pernatye

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)